

С.Г.Алленов

ОБРАЗ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ МОЛОДОГО ЙОЗЕФА ГЕББЕЛЬСА

**«Россия есть альфа и омега всякой
целенаправленной политики...»
(1924–1926 гг.)¹**

Ключевые слова: Геббельс, Россия, Достоевский, германо-российские отношения, нацизм

**«Германия
и Россия
(не сегодняшняя)
будут
формировать
нового
человека»²**

Среди бесчисленного множества текстов, написанных и надиктованных Геббельсом, особый интерес для понимания его мировоззренческой эволюции помимо дневников представляет его последнее и единственное опубликованное крупное художественное сочинение — повесть под названием «Михаэль». Эту повесть Геббельс начал сочинять еще студентом осенью 1919 г., не успев обзавестись ни сколько-нибудь солидным жизненным опытом, ни даже теми взглядами, которые он изольет в законченной лишь к марту 1924 г. рукописи. Тем не менее уже в первых ее набросках, написанных, по его выражению, «кровью собственного сердца», он взялся высказать «без прикрас» и свою жизненную «историю», и «всю нашу муку», под которой подразумевал общую участь своих немецких ровесников³. Но наряду с этим в ее окончательном варианте он постарался отразить и вполне конкретную, действительно трагическую и во многом типичную судьбу своего лучшего друга Р.Флиссеса — бывшего фронтовика и поэта, поклонника Ф.М.Достоевского, В.И.Ленина и Советской России, ставшего шахтером и погибшего в забое менее чем за год до окончания работы над книгой. Ее главного персонажа — молодого поэта и бунтаря Михаэля — Геббельс наделил не только собственными чертами, но и некоторыми качествами погибшего друга, которому и посвятил свой труд. Поскольку Михаэль выступал в нем не только персонификацией поколенческой общности, к которой принадлежал Геббельс, но и его alter ego, данное произведение в определенном смысле можно считать автобиографическим. Впрочем, эта история, стилизованная под дневниковые записи ее героя, хотя и была полна пассажей из дневника будущего нациста, имела не так уж много общего с его реальной жизнью. Своему Михаэлю он сочинил «говорящую» фамилию Форманн⁴ и богатую биографию, о которой временами мечтал и сам, но которая — будь то участие в войне или

¹ Данная статья завершает цикл «Образ России и формирование политического мировоззрения молодого Йозефа Геббельса», публикацию которого мы начали год назад. Первые две статьи цикла см. Алленов 2012, 2013.

² Goebbels 2004: 121 (запись за 10.04.1924).

³ См. Goebbels 1987: 14.

⁴ Voortmann (нем.) — впереди идущий.

⁵ Возможно, тяга Геббельса к исповедальным и автобиографическим жанрам была не только следствием его нарциссической склонности к автокоммуникации, но и найденным им доходчивым способом превращения художественных сочинений в мировоззренческие манифесты. Во всяком случае, став пропагандистом НСДАП, он продолжал использовать тот же прием, публикуя свои воспоминания и дневники в качестве политических текстов или, наоборот, стилизуя эти тексты под письма и взятые у самого себя интервью (см., напр. Goebbels 1926, 1931, 1934a, 1934b; Dr. Goebbels 1937).

⁶ Здесь имеется в виду предложенная Р. Гриффинем дефиниция фашизма, определяющая его как политическую идеологию с неизменным мифологическим ядром в виде «палингенетической формы популистского ультранационализма». О концепции Гриффина и дискуссиях вокруг нее см. Griffin 2006.

⁷ См. Goebbels 2004: 94 (запись за 13.02.1924).

⁸ См. Ibid.: 96 (запись за 14.02.1924).

физический труд в мирное время — была ему недоступна из-за приобретенного в детстве увечья. Зато он смог наделить этот образ тем яростным неприятием действительности, которое обуревало его самого в молодости, а также идеей радикального преобразования мира, увлекшей его во время работы над книгой. Таким образом герой Геббельса вырос из предтечу идеального немецкого будущего, а повествование о его жизни наполнялось пафосом одновременно исповеди, проповеди и политического манифеста⁵.

Претенциозность «автобиографического» замысла молодого Геббельса выдает и подзаголовок его книги: «Немецкая судьба на листках дневника». По-видимому, в случае читательского успеха он надеялся получить заодно с литературной известностью славу выразителя дум своих соотечественников — представителей того молодого поколения, которое очень скоро будет названо потерянным. И все же его повесть, как и другие литературные опусы, интересна главным образом тем, что рассказывает о самом авторе. В ее готовой редакции 1924 г. раскрыты важнейшие этапы мировоззренческой эволюции будущего министра пропаганды, а также его идейный мир и психоэмоциональное состояние в тот период, когда он уже был одержим фашистской по своей сути идеей, но еще не стал правоверным нацистом⁶. В ее сюжете нашел отражение и чисто житейский пласт судьбы Геббельса — зреющая готовность отказаться от занятий литературой и стать борцом за своеобразно понятое «общественное благо». Правда, в отличие от вымышленного Михаэля, сменившего из идейных соображений перо поэта на шахтерский молоток, сам он вскоре оставит сочинительство под давлением более прозаических, прежде всего денежных, обстоятельств.

Созвучия в текстах повести и дневниковых заметок Геббельса за конец 1923 и начало 1924 г. дают основания полагать, что она в это время не столько дорабатывалась, сколько писалась заново — «обретала линию и цвет», как заметил он в дневнике незадолго до ее окончания⁷. Выработавшаяся к тому моменту привычка молодого сочинителя смотреть на немецкое (как, впрочем, и европейское) настоящее и будущее через призму русской литературы привела однажды к тому, что он не смог найти в своем дневнике более подходящих слов для описания царившего вокруг морального хаоса, чем стихотворный отрывок из А.С.Пушкина:

«Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам».

Это четверостишие будущий нацист воспроизвел так, как если бы оно было частью его собственных горестных раздумий о вырождении немцев в «материалистов, предпринимателей и карьеристов», лишенных воли к объединению в «одно племя, один народ, одно большое и крепкое культурное сообщество»⁸. Тогда же Геббельс счел нужным

включить хрестоматийные пушкинские строки в текст «Михаэля» и приписать их герою своего произведения. На этот раз они были призваны оттенить внутреннее смятение молодого поэта при виде соотечественников, погрязших в материальных делах и заботах, в то время как их отечество «катится в пропасть»⁹.

⁹ См. *Goebbels 1929: 122.*

Впрочем, пушкинское стихотворение было не самым важным русским мотивом в повести, которая, собственно, и рассказывала о том, насколько важную роль сыграло увлечение Россией в идейном становлении ее автора. Вероятно, Геббельс, вряд ли знакомый с творчеством самого Пушкина, просто позаимствовал фрагмент его «Бесов» из эпиграфа к одноименному роману Достоевского, который был его настольной книгой в разгар работы над «Михаэлем». И если дневник Геббельса за февраль и март 1924 г. пестрит размышлениями, наваянными «Бесами» Достоевского и прочитанным незадолго до этого романом «Идиот», то его повесть, вобравшая в себя многие из этих мыслей, вполне может служить иллюстрацией сделанного им тогда же признания: «С тех пор, как я познакомился с Достоевским, я все вижу по-новому»¹⁰. Более того, торжествуя миг «творческого рождения» своего «Михаэля», он без лишней скромности поведал дневнику, что не кто иной, как Достоевский, исполняет при этом «обязанности акушера», тогда как Гёте со своим «Вертером» выступает в качестве «формального крестного отца»¹¹.

¹⁰ *Goebbels 2004: 106 (запись за 11.03.1924).*

¹¹ См. *Ibid.: 94 (запись за 13.02.1924).*

Столь необычное распределение ролей между гениями русской и немецкой литературы, возможно, объяснялось тем, что, приступая к повести, Геббельс вдохновлялся примером Гете и явно подражал его «Страданиям юного Вертера»¹². Обращение же к Достоевскому помогло ему дописать книгу и наполнить ее новым идейным содержанием. Во всяком случае, соседство этих двух имен в записях Геббельса не было случайным. «Старая Европа катится в пропасть... Восславим же Гёте, последнего европейца, и Достоевского, первого нового человека...» — писал он в своем дневнике незадолго до того, как приступить к доработке «Михаэля»¹³. И действительно, если первоначальная версия повести была задумана как реквием по старой Германии и Европе, то ее законченная рукопись, содержащая рецепт немецкого исцеления, должна была стать гимном рождению нового человека, призванного к обновлению Германии, а с ней и всего мира. В своем «автобиографическом» произведении Геббельс не считал нужным скрывать, что прообраз этого человека, а значит, и рецепт немецкого спасения были подсказаны ему Достоевским.

¹² Произведение Геббельса, описывающее становление по-своему «идеальной» личности, можно было бы отнести к жанру романа воспитания, одним из родоначальников которого являлся Гете, если бы его герой не был абсолютно враждебен лежащим в основе этого жанра просветительским идеалам.

¹³ *Ibid.: 37 (запись за 23.10.1923).*

Важным элементом повести Геббельса выступают полные драматизма отношения начинающего поэта Михаэля с обучающимся в Мюнхене русским студентом Иваном Винуровским, который открывает ему мир Достоевского, а заодно убеждает в том, что новое поколение россиян верит в писателя «так же, как их отцы верили во Христа»¹⁴. Одновременно русский студент заражает молодого немца своей преданностью отчизне и верой в избранность своего народа. Так, «сам того не желая»,

¹⁴ См. *Goebbels 1929: 34.*

он показывает Михаэлю путь к спасению, которое состоит в соединении идей религиозного самопожертвования и национального самоутверждения¹⁵. Под явным впечатлением от чтения подаренного Иваном романа «Идиот» Михаэль испытывает «озарение» и «снова начинает верить»¹⁶. Охваченный этим новым религиозным чувством и приливом творческих сил, он перечитывает «Нагорную проповедь» и приступает к «драме о Христе», в которой берется раскрыть явленную ему истину о жизни как жертве во имя ближнего. Но на самом деле, как можно догадаться, молодой богоискатель, плененный «изысканным национальным чувством» своего русского приятеля, приближается в этом порыве отнюдь не к евангельскому Христу, поскольку в его кредо вкрадывается важное уточнение: «И мой ближний той же крови, что и я. Кровь остается все еще лучшей и самой крепкой молитвой»¹⁷. В конечном итоге понимание Михаэлем необходимости духовно-нравственного очищения Германии, невозможного без пробуждения «нового религиозного чувства», сводится к отождествлению христианской проблематики с «немецким вопросом о боге»¹⁸.

¹⁵ См. *Ibid.*: 120.

¹⁶ См. *Ibid.*: 52.

¹⁷ *Ibid.*: 81.

¹⁸ См. *Ibid.*: 145.

Между тем «панславист» и революционер Иван, невольно натолкнувшийся Михаэля на мысль, что «есть немецкая идея, так же как есть и русская»¹⁹, пытается увлечь его собственными мессианскими планами «всемирного объединения». С этого момента сквозным мотивом драмы становится духовное противоборство героя и его наставника, обернувшегося для него зловещим демоном-искусителем. В этой борьбе Михаэль утверждает себя в своем немецком самосознании, но окончательно обретает себя лишь после того, как уходит «в народ» и разделяет с простыми тружениками тяготы их жизни. Став шахтером, Михаэль совершает свой жертвенный подвиг и тем самым перерождается в «нового человека», несущего людям свет новой веры. Ее смысл заключен во всеобщей любви, стирающей классовую рознь и сословные перегородки и означающей самоотречение ради блага своего народа и своей родины. Вместе с этой верой новоиспеченный немецкий патриот выносит из споров с Иваном и убежденность в том, что ее усвоение соотечественниками, прежде всего молодежью, поможет Германии избежать участи гибнущей Европы, как ее избежит стоящая на пороге национального возрождения Россия. Более того, если в результате «религиозного пробуждения» немцы смогут «явить другим народам новый тип человека», то именно они «будут определять облик следующего тысячелетия»²⁰.

¹⁹ См. *Ibid.*: 113.

²⁰ См. *Ibid.*: 146.

Духовное родство и соперничество двух молодых людей — носителя идеи русского народа-богоносца и рождающегося к новой жизни немецкого националиста — выливаются в повести Геббельса в диалог, тянущийся с перерывами вплоть до последней страницы. В этом споре раскрывается не только сила воздействия русского «соблазна» на Михаэля, выступающего литературной проекцией самого автора, но и взгляд молодого Геббельса на будущие отношения Германии и России. Когда в мировоззрении его героя наступает перелом и он освобождается от чар русского мессианизма, Иван считает нужным его предупредить:

«Мы, вероятно, еще должны будем скрестить клинки, если не мы сами, то наши идеи. Мы не квиты. Ваш мир и мой мир еще должны будут сойтись в поединке за последнюю форму бытия. Возможен ли синтез? Я хотел бы надеяться, но, думаю, это вряд ли возможно. Природу не переменить. Ее высший закон есть борьба. Ну а если так, то борьба! Но борьба с открытым забралом!.. Я — русский! Я хочу, чтобы Россия воздвигла новый мир. Рим пал. Новый великий Рим — Россия... Вы для меня олицетворяете немецкую молодежь, которая собирается с силами, чтобы самой спасти себя. Вы сильны, но мы будем еще сильнее»²¹.

²¹ *Ibid.*: 120.

Однако звучащая в словах русского патриота угроза хотя и задевает Михаэля, не отвращает его от России и после того, как он становится рьяным немецким националистом. Не умаляет его русофильства и то, что сам миг своего рождения к новой жизни он, кажется, осознает лишь постольку, поскольку избавляется от русского наваждения. В финальной части первоначального (рукописного) варианта повести он мысленно празднует обретение духовного суверенитета, но все же не выглядит самодостаточным: «Я одолел Ивана Винуровского. В его лице я превозмог русского человека. Я спас себя сам. Я освободил немца внутри себя. И вот мы стоим оба как равные друг против друга... В каждом заключено будущее. И во мне тоже, Иван Винуровский! Ты не веришь в меня? Тем крепче я верю в себя сам. Я жив и буду жить. Скрестить клинки? Иван Винуровский, спрячь в ножны свой меч. Объединившись, мы вместе вступим на путь в грядущее и пойдем в следующее тысячелетие»²².

²² *Цит. по: Baersch 1995: 183.*

По сути, описывая этот конфликт, Геббельс имел в виду свой путь приобщения к тому религиозному народничеству, которое, говоря словами Н.А.Бердяева, «исповедовал и проповедовал» Достоевский²³. Отразил он в судьбе немецкого героя и свой опыт интерпретации христианского социализма, во многом усвоенного им из проповеди русского гения и ставшего для него синонимом национального, то есть чисто немецкого, социализма. Но, даже развивая этот мотив коллективного немецкого спасения, Геббельс вложил в уста Михаэля собственные восторженные отзывы о Достоевском и России, включая и мысли из своего дневника о ее великом предназначении. Так, он полностью перенес сюда свое признание в любви к «тихой грезящей» России, дополнив его коротким, но важным уточнением: «Когда Россия проснется, мир увидит национальное (курсив мой — С.А.) чудо»²⁴.

«Достоевский! Единственное утешение!»

«Я занимаюсь Гитлером и национал-социалистическим движением и, кажется, еще долго буду должен делать это», — заметил Геббельс весной 1924 г., описывая проблеск вновь пробудившегося у него интереса к политической злобе дня²⁵. Тогда, едва закончив своего «Михаэля», он вряд ли мог знать, какое место займут в его жизни Гитлер и нацизм, насколько долго затянется его «занятие» ими и каким будет его финал. Во всяком случае, даже после сближения с фёлькише и

²³ *Goebbels 2004: 107 (запись за 13.03.1924).*

нацистами, усвоения расовой доктрины и первой пробы сил в качестве агитатора-националиста он не утратил былого интереса к литературе и прежде всего к чтению Достоевского и других русских писателей. Как ни удивительно, последний всплеск его восторженного интереса к Достоевскому случился год спустя, в тот судьбоносный для него период, когда его бурная пропагандистская деятельность, найдя одобрение Гитлера, уже сулила ему партийную карьеру. Более того, в это время он фактически признавался дневнику в том, что еще не до конца привержен своему новому фюреру. Вовсе не его, а все того же автора «Братьев Карамазовых» имел он в виду, когда писал накануне своего назначения на пост управделами Северорейнского гау: «Вот такого человека нам недостает сегодня! Пророк, взывающий в пустыне! У него не устаешь учиться. Он молодчина!». Здесь же Геббельс уже не в первый раз изливал и свое отвращение к ожидавшему его миру политики: «Много газет, много шума, сплошная пустыня и обильная ложь! Бесконечная рвотная сыворотка!.. Как я тоскую по богу!»²⁶. Несколько дней спустя, уже заняв свой пост, Геббельс вновь сделал признание, которое свидетельствовало если не о смятении, то, по меньшей мере, о некоем внутреннем разладе: «Мне придется часто отказываться от счастья в моей жизни. Завтра первое (после освобождения из тюрьмы — А.С.) выступление Гитлера. Идея приходит в движение. Я буду выполнять для этого свою часть работы. Почему же, несмотря ни на что, меня снова и снова посещает чувство неизбывной вины?.. „Братья Карамазовы“ (!) доставляют наслаждение»²⁷. Наконец, описывая впечатления одного из первых рабочих дней, наполненных горячкой бесконечных выступлений и связанных с ними переездов, Геббельс дополнил свою хвалебную запись о только что опубликованном воззвании Гитлера неожиданным восклицанием: «Достоевский! Единственное утешение!»²⁸.

²⁶ Ibid.: 273 (запись за 23.02.1925).

²⁷ Ibid.: 274 (запись за 26.02.1925).

²⁸ Ibid.: 275 (запись за 02.03.1925).

²⁹ Ibid.: 121, 132 (записи за 10.04 и 07.05.1924). В это время его мечты не простирались дальше издания «фёлькиш-немецкого журнала искусств и культурной политики»: «Что-то вроде национал-социализма при воздержании от демагогии и урапатриотизма. За национальную народную общность. Из трясины партийной возни наружу... Искать пути к прояснению немецкой идеи» (Ibid.: 116, запись за 31.03.1924).

Был ли контраст между далеко не восторженными отзывами новоявленного функционера об открывавшихся перед ним перспективах и его же мыслями об «очищающей» и «утешающей» силе Достоевского случайным или осознанным, в любом случае он показывает, что окончательный переход от литературы к политике давался ему не без внутренних усилий. «Если я из моих занятий политикой не извлеку новых духовных ценностей, то тогда они бесполезны, даже вредны для меня», — писал он весной 1924 г. и, как бы оправдываясь перед собой, заявлял: «Я политик из потребности в культуре»²⁹. При этом привязанность к русскому писателю оставалась если не единственной нитью, еще удерживавшей Геббельса в его прежнем относительно нормальном мире, то одним из источников неизжитых сомнений в том, что сделанный им политический выбор принесет осуществление его религиозно-нравственных чаяний. Хотя и косвенным, но красноречивым подтверждением того, что этот личный Рубикон был связан с выбором между двумя кумирами, из которых прежний олицетворял литературу и сопряженные с ней искания, а новый — политику, служит замечание, сделанное после очередной похвалы Достоевскому: «Лишь в отдельных

мелочах Достоевский больше не совсем в моем вкусе. На 10 000 фраз одна пошлость. Это немного. Но все же этого достаточно для того, чтобы он остался среди нас, смертных людей, и не стал Евангелистом»³⁰. Вряд ли случайно эта нотка разочарования прозвучала в дневнике Геббельса именно в тот день, когда он получил назначение на свой первый партийный пост в возрожденной Гитлером НСДАП. Возможно, это было неосознанным свидетельством его подспудной готовности к тому, чтобы сжечь наконец мосты и обратиться к новой, отнюдь не благой весте, которая его же усилиями начнет претворяться в рукотворный земной ад.

Так или иначе, с началом взлета партийной карьеры Геббельса количество его дневниковых записей, посвященных художественной литературе, резко пошло на убыль. Сами эти заметки стали лаконичными, как, например, фраза о том, что теперь он читает Достоевского «урывками по паре страниц» и что на большее у него не хватает времени³¹. Впрочем, даже став гауляйтером Берлина, он на первых порах еще пытался выкроить это время в поездках, которых требовала его работа. Краткое сообщение об одной из таких поездок в конце 1927 г. стало его последним упоминанием о чтении любимого писателя, хотя это занятие оказало на него столь же сильное воздействие, что и почти 10 лет назад: «Сегодня утром отъезд... В поезде я снова перечитывал „Идиота“ Достоевского. Я потрясен»³². Само же имя Достоевского в последний раз встречается в дневнике Геббельса в связи с посещением им в январе 1930 г. матери смертельно раненого штурмовика Х.Весселя, вскоре превращенного шефом нацистской пропаганды в культовую фигуру национал-социализма. Описывая встречу с фрау Вессель и разговор о ее сыне, он замечал: «Все как в романе Достоевского — блаженный, труженик, блудница, городская семья, вечные угрызания совести, вечная мука. Такова жизнь этого фантаста-идеалиста»³³. Эта запись, сделанная уже заматеревшим нацистом, была запоздалым отголоском его прежней манеры воспринимать жизнь через призму творчества русского гения и стремления стилизовать под его героев собственные литературные персонажи. Правда, к тому времени неудавшийся драматург успел превратить в свои подмошки всю Германию и стать постановщиком чудовищной трагедии, главным автором которой станет Гитлер, а персонажами — десятки миллионов немцев, а затем и жителей всей Европы.

**«От России
никуда
не уйти...»³⁴**

При том что формирование собственно нацистского мировоззрения Геббельса происходило уже без влияния Достоевского³⁵, благожелательный интерес будущего нацистского министра к России не остывал ни после начала его деятельности в качестве агитатора-националиста, ни даже после начала его карьеры в НСДАП. Прежде всего, ступив на пропагандистскую стезю, он постарался донести до широкой публики мысль о необходимости сближения Германии и России, которой еще в октябре 1923 г. поспешил поделиться с дневником. Уже тогда, несмотря

³⁰ *Ibid.*: 274 (запись за 26.02.1925). До этого Геббельс в своем дневнике позволил себе лишь одно критическое замечание в адрес автора «Неточки Незвановой», тут же поспешив оправдать своего кумира: «Может быть, ему были нужны деньги. Или он захотел расслабиться после написания большого романа» (*Ibid.*: 171, запись за 17.07.1924).

³¹ См. *Ibid.*: 277 (запись за 6.03.1925).

³² *Goebbels 2005a*: 306 (запись за 28.12.1927).

³³ *Goebbels 2005b*: 66 (запись за 19.01.1930).

³⁴ *Goebbels 2005a*: 47 (запись за 20.01.1926).

³⁵ Известное предубеждение, кото-

рое Достоевский питал к евреям, не могло сказаться на взглядах Геббельса хотя бы потому, что оно, как ни удивительно, ускользнуло от внимания начинающего нациста. Иначе он не преминул бы отметить эту деталь в своих многочисленных отзывах о безусловно важных для него аспектах личности и творчества любимого писателя.

³⁶ *Goebbels 2004: 34 (запись за 18.10.1923).*

³⁷ *Ibid.: 183 (запись за 30.07.1924).*

³⁸ *Подробнее см. Höver 1992: 52. Это исследование содержит, пожалуй, самый обстоятельный на сегодня разбор «русской темы» в ранней политической публицистике Геббельса и дальнейшей эволюции его отношения к России.*

³⁹ *См. Reuth 1990: 96.*

на свое увлечение не столько политической злобой дня, сколько чтением и сочинительством, он высказывал эту идею как нечто хорошо обдуманное и давно наболевшее. Полагая, что величайшей ошибкой немецкой политики после 1871 г. был отказ от «прочной и надежной позиции дружбы и тесной взаимной связи» с Россией, он патетически вопрошал: «Как вообще можно было тогда колебаться в выборе между Россией и Англией? Какой из народов оказался в состоянии — если уж рассматривать вопрос в чисто политическом плане — взрастить больше солдат: народ Достоевского или народ Оскара Уайльда? Что духовно выше: русская мистика или английское лукавство?.. Мы видим, насколько ошибочно делать политику, руководствуясь чисто политическими и экономическими соображениями. Если бы те, кто был после Бисмарка, читали Достоевского, у нас не было бы войны 1914 г., а если бы она и была, то мы выиграли бы в три месяца»³⁶. Ту же мысль Геббельс повторил в дневнике и летом 1924 г., по-прежнему подкрепляя ее не анализом политической жизни СССР, о которой имел очень смутное представление, но исключительно внушенной Достоевским уверенностью в изначальной враждебности русской души материалистическому сознанию Запада. Убеденный в том, что в восточной соседке Германии «лежит ключ к решению европейской проблемы», он обращался к политикам Веймарской республики все с тем же риторическим вопросом: «Как вы можете возлагать ваши надежды на Англию или Америку? Что ценнее, человек или золото? Вы, господа дипломаты, читайте Шпенглера и Достоевского, а не Ратенау с французами»³⁷.

Первой печатной трибуной для выражения взглядов Геббельса стал возглавленный им в октябре 1924 г. националистический еженедельник «Фёлькише Фрайхайт» («Рейнско-Вестфальский боевой листок за Великую фёлькиш-социальную Германию»). В качестве главного редактора листка он вполне в духе «фёлькише» выступал против «политики выполнения» и Лиги наций, «мирового еврейства» и марксизма, либерализма и капитализма, парламентаризма и демократии. Вместе с тем его отличало от «фёлькише» то, что он сам называл «тягой к Востоку», — стремление донести до читателя свою симпатию к России, а также представление о необходимости сотрудничества с ней и после установления советской власти³⁸. Развивая эту идею, он как-то повторил в одном из номеров еженедельника и свою любимую мысль о грядущем пробуждении России «в духе ее величайшего мыслителя» Достоевского³⁹. Те же идеи Геббельс продолжал высказывать и после своего отдаления от «фёлькише», установки которых нашел слишком «реакционными», и перехода — сначала фактического, а затем и официального — в НСДАП. В первые полтора года пребывания в партии он, войдя в руководство ее «левого» крыла, еще мог позволить себе публичные выражения симпатий к России, даже невзирая на русофобскую позицию мюнхенской партийной верхушки и самого Гитлера. Как можно заметить, эта разница во взглядах омрачала его восторженное отношение к новому кумиру и имела тем более серьезный характер, что его

публичное русофильство простиралось теперь не на сферу литературы, но на политическую злобу дня. Тем не менее, заняв в августе 1925 г. пост редактора издававшегося Г.Штрассером журнала «Национал-социалистические письма», он стал публиковать в этом органе нацистского «Рабочего сообщества Северо- и Западногерманских гау» статьи, которые звучали апологией уже не столько мистически преображенной России будущего, сколько реально существовавшей Страны Советов.

В недолгий период пребывания в «левом» крыле НСДАП Геббельс не раз выказывал уверенность в том, что в России разворачивается та же, что и в Германии, борьба за «великое народное очищение» и что эта борьба приведет к установлению там «социалистического национально-государства». Увидев в большевистском режиме зародыш такой государственности, Геббельс заявлял, что отказывается «подпевать буржуазному хору» проклятий большевикам и пророчеств их скорого краха⁴⁰. Причину враждебности Запада к Советской России он усматривал именно в стремлении «биржевого капитала» не допустить национально-возрождения нигде в мире⁴¹. В то время будущий вдохновитель «Восточного похода» полагал, что «грандиозная линия фронта», выстроенная мировым капиталом против России, развернута и против Германии и поэтому обе страны должны чувствовать себя носительницами одной судьбы. Он убеждал читателей, что без великой державы на востоке, которая была бы «национальным центром силы и противовесом Западу», не будет возможным ни построение национал-социалистической Германии, ни ее возрождение в качестве культурной нации Европы, ни восстановление Немецкого рейха⁴². В решении этих задач Геббельс отводил России роль вдохновляющего примера и «дарованного нам самой природой союзника против дьявольского искушения преступной продажностью Запада»⁴³.

Призывая сделать выбор между «больными соседями на западе» и полным творческих сил восточным колоссом, Геббельс, казалось, не замечал, что его слова звучали диссонансом не только с хором буржуазных недругов Советской России, но и с антибольшевистскими установками его собственной партии. Считая главной целью будущего сближения Германии с большевистской Россией борьбу с «мировым еврейством», он поначалу просто игнорировал как реальное положение дел в СССР, так и бытовавший в кругах «фёлькише» и нацистов миф о «еврейском» характере большевистского господства. Так, перелагая весной 1924 г. на антисемитский манер мысли О.Шпенглера и собственные представления о русской революции, Геббельс утверждал, что «русское настоящее есть только еврейская мыльная пена, под которой находится тяжелый национальный щелок». При этом без всяких на то оснований он высказывал фантастическую мечту о том, что именно Россия положит начало решению «еврейского вопроса», который уже тогда считал «самым жгучим вопросом современности»⁴⁴. Как ни удивительно, идею «братского союза» Германии и Советской России

⁴⁰ См. Goebbels 1926: 41.

⁴¹ Ibid.: 42. См. также Höver 1992: 59, 181, 185.

⁴² См. Höver 1992: 194.

⁴³ Цит. no: Reuth 1990: 96.

⁴⁴ См. Goebbels 2004: 119 (запись за 8.04.1924). По-видимому, интенсивное общение Геббельса с новыми соратниками из лагеря «фёлькише» и НСДАП вкупе с чтением антисемитской литературы способствовало быстрому усвоению им тезиса о «еврейской сущности» правящей в Советской России элиты. Во всяком случае, уже летом 1924 г. он обращался к «русским мужчинам» с мысленным призывом не просто протянуть руку Германии, но прежде «прогнать прочь эту еврейскую сволочь» (Ibid.: 184, запись за 30.07.1924).

⁴⁵ «По вечерам иногда читаю Чудесную книгу Гитлера. Столько политического инстинкта. Я в полном восторге» (*Ibid.*: 23, запись за 29.08.1925).

⁴⁶ *Goebbels 1926: 41—43. См. также Höver 1992: 185.*

⁴⁷ *См., напр. Koenen 2005: 323ff.*

⁴⁸ *См., напр. Moeller van den Bruck. 1933: 186*

Геббельс продолжал отстаивать и после того, как прочитал «Майн кампф», где его фюрер прямо указывал на Страну Советов как на объект грядущей германской экспансии и подкреплял свои геополитические планы уничижительными оценками ее населения с «расовой» точки зрения⁴⁵. Более того, увлекшись апологией германо-советского сближения, будущий шеф нацистской пропаганды был готов в своих суждениях о большевизме отчасти поступиться не только официальной партийной догмой, но и собственными антисемитскими стереотипами. В какой-то момент он позволил себе усомниться в том, что «большевистский» и «капиталистический» еврей — это одно и то же, и до поры признать в российских евреях созидательную силу, вольно или невольно осознающую необходимость встать на службу русскому национальному государству. В самой же большевистской России Геббельс видел не оплот международной пролетарской солидарности, но государство «гораздо более русское, чем когда бы то ни было в его истории», а в насаждавшемся Москвой большевистском интернационализме — «самую жесткую и ярко выраженную форму панславизма». Мощь и жизнеспособность советской системы коренились для него «не в ее большевистской, интернационалистской или марксистской природе», но в ее русском и национальном характере. Творца этой системы Ленина он назвал вскоре после его смерти «ведущей головой Европы», а двумя годами позже — вождем, который понял Россию так, как не понимал ее ни один царь, «во всех ее целях, во всей ее страсти и во всех ее национальных инстинктах»⁴⁶.

Несмотря на неортодоксальный характер взглядов молодого Геббельса на Советскую Россию и германо-русские отношения, он не был одинок в отстаивании этих воззрений ни в своей партии, ни тем более в широких кругах немецких беспартийных национал-революционеров. Мечта об альянсе со страной большевиков для совместного противостояния Антанте жила в этих кругах с самого окончания Первой мировой войны⁴⁷. Заключение Рапальского договора 1922 г. было воспринято там в целом с одобрением в первую очередь именно потому, что рассматривалось как залог и начало совместного с Россией противоборства с Западом⁴⁸. Последующие прозападные маневры Г.Штреземана и наметившийся вскоре отход Германии от рапальского курса вызывали в этой среде беспокойство, переходящее во взрывы негодования. Катализатором подобных настроений, захвативших также и Геббельса, стало проведение в 1925 г. Локарнской конференции и заключение Рейнского гарантийного пакта. Уже в день закрытия конференции и оглашения ее результатов нацистский активист выплеснул свое возмущение на страницы дневника, назвав эти решения «надувательством», а принявших их немецких политиков — «глупцами либо сапожниками», «продающими Германию капиталистам Запада». Здесь же он обрисовал намеченную в Локарно перспективу, которую счел ужасающей: «Сыны Германии истекают кровью на полях сражений Европы как ландскнехты этого капитализма... в „священной войне“ против

⁴⁹ *Goebbels 2004: 366 (запись за 16.10.1925).*

⁵⁰ *Ibid.: 369 (запись за 23.10.1925).*

⁵¹ *См. Das Tagebuch 1960: 39 (в сноске), 46 (в сноске).*

⁵² *См. Goebbels 2004: 79, 162 (записи за 24.01, 7.07.1924).*

⁵³ *См. Ibid.: 165 (запись за 9.07.1924).*

Москвы! Есть ли на свете большее политическое бесчестие?»⁴⁹ Спустя неделю в его дневнике появилась еще более резкая запись, особенно примечательная последней фразой: «Локарно и Гарантийный пакт — отвратительная смесь подлости, обмана, бесстыдства и фарисейства. Воистину так: деньги правят миром... Нас выставят ландскнехтами против России на поле брани капитализма. И тут не отделаться увертками и отговорками. Нас уже продали. Но уж если прижмет, то лучше погибнуть вместе с большевиками, чем вечное рабство при капитализме»⁵⁰.

Продолжая и после Локарно называть Россию в своих частных записях и газетных статьях «естественной союзницей» Германии⁵¹, Геббельс исходил уже не столько из литературного мифа о связанной духовными скрепами жизни этой «святой страны», сколько из тех притягательных моментов, которые открылись ему в практике большевиков. Эта «восточная ориентация» не исключала у него — как и у его единомышленников из национал-революционных кругов внутри и вне НСДАП — весьма критического взгляда на Советскую Россию, но подразумевала признание за ней определенных достоинств, способных служить ориентирами для проектов собственного немецкого будущего. Тем самым установка части немецких националистов на альянс с большевиками и Россией становилась коррелятом их «левого» радикализма. В полной мере это относится и к русофильству Геббельса, приведшего к выводу, что большевизм, несмотря на всю его «алчность, беспомощность, незрелость и трусость», все же «здоров в своей основе»⁵². Как видно из дневниковых заметок начинающего нациста, этой «здоровой основой» он считал «государственный социализм», за которым, как он полагал, «стоит будущее» и которому он был обязан своей еще не иссякшей «верой в Россию». При этом смутный образ России Ленина если и не вытеснял из его сознания более ранний и столь же далекий от реальности образ России Достоевского, то постепенно сливался с ним в одно причудливое полотно. Возникшая из этого смещения картина внушала Геббельсу надежду уже не на идущее из России религиозно-нравственное очищение, но на получение оттуда импульса к наполнению немецкого государственного чувства «ответственностью и радостью» и преодолению немцами их «нынешней усталости от государства»⁵³.

Такое перетекание мистики «христианского социализма», пленившей когда-то Геббельса в русском образе, в доктрину социализма государственного может показаться неожиданным. Но все же эта трансформация вряд ли была случайной, как не была случайной и взаимосвязь представлений нациста-неофита о «христианском» и «национальном» социализме. Подобная «этатизация» его социалистического идеала могла вытекать из сделанной раз и навсегда ставки на принудительное водительство общественной жизни единой направляющей волей к добру (С.Л. Франк) при использовании религиозного чувства как инструмента мобилизации и сплочения масс. Косвенным подтверждением этому может служить удовлетворение, которое Геббельс испытывал при мысли

⁵⁴ См. *Ibid.*: 165 (запись за 9.07.1924).

⁵⁵ *Ibid.*: 183 (запись за 30.07.1924).

⁵⁶ *Ibid.*: 183 (запись за 30.07.1924). На собрании прозвучало и кредо «национал-большевиков», созвучное, как они, очевидно, полагали, опыту русской революции: «Идея национальной народной общности может быть на деле только идеей достижения социального равенства».

о том, что именно «этой святой стране» — России — суждено пройти «через самую грубую форму большевизма»⁵⁴. Очевидно, он полагал, что жесткая закалка русской духовности в горниле большевистской диктатуры станет наилучшим условием национального «возрождения», которого он так ожидал от родины Достоевского. В том, что Россия и при большевиках оставалась в этом плане оплотом его надежд, он фактически признавался в записи дневника, повествующей о первом собрании его политических единомышленников. В его беглом пересказе взглядов этого «цвета самых нестигаемых друзей отечества» ей отведено центральное место и роль ориентира для оценки политических противников и определения собственных позиций: «Ex oriente lux. В духе, в государственных и хозяйственных делах и в большой политике. Западные державы уже насквозь коррумпированы. Наши правящие круги движутся навстречу Западу, потому что западные державы являются классически либеральными государствами. А при либерализме имущим (тем, кто обладает деньгами и связями или абсолютным отсутствием стыда и совести) живется хорошо. С Востока к нам идет новая государственная идея индивидуальной сдержанности и дисциплины по отношению к государству. Конечно, это не нравится господам либералам. Отсюда и тяга на Запад»⁵⁵. Из этих наспех записанных строк видно, что новая Россия сохраняла для Геббельса свою притягательность прежде всего потому, что продолжала выступать таким же антиподом либерального Запада, каким раньше была Россия Достоевского. Вслед за руганью в адрес отечественных «господ либералов», отворачивающихся на Запад от изливающегося на их страну «света с Востока», собрание наметило и первые шаги, направленные на сплочение и возрождение немецкой нации. Поскольку, как записал Геббельс, либералы «опасны для идеи народной общности» тем, что гешефт у них «всегда и везде идет впереди патриотизма и христианства», перед «друзьями отечества» встает задача «показать трудящимся, что любовь и уважение к отчизне и церкви не имеет ничего общего с этими подлыми партиями»⁵⁶.

В сущности, задача, поставленная на этом судьбоносном для Геббельса собрании, имела двуединый характер, вытекавший из особой, невиданной в Новой истории нигде, кроме большевистской России, степени сплочения той «народной общности», о которой мечтали будущий министр народного просвещения и его соратники. С одной стороны, силы, которые претендовали на роль застрельщиков такого тотального единения, с самого начала заявляли претензии на узурпацию «высших ценностей», призванных стать «духовными скрепами» чаемого единства. Выступая от имени этих сил в качестве нацистского пропагандиста и без усталости манипулируя понятиями «любовь к отечеству», «самопожертвование во имя нации», «народная солидарность» и т.п., Геббельс, по сути, убеждал свою аудиторию в праве нацизма на монопольное распоряжение этими идеалами, а вместе с ними и всей полнотой политической власти. С другой стороны, абсолютное сплочение масс в одно целое предполагало гомогенность этой общности, а значит,

и безусловное исключение из нее всех элементов, заведомо неспособных разделять общие «святыни». Поэтому важнейшим компонентом геббельсовской пропаганды практически неизбежно должно было стать культивирование образа врага, а ее методами — провокация, подстрекательство и разжигание ненависти.

«Россия — вечная загадка...»

К концу 1925 г. пропагандистские дарования Геббельса позволили ему занять заметное место в региональных партийных структурах на северо-западе Германии и привлечь к себе в целом благосклонное внимание центрального руководства НСДАП. Правда, наряду с его успехами в деле мобилизации сторонников, от этого внимания не укрылись и еретические высказывания о большевистской России и германо-советском партнерстве. Реакция «сверху» не заставила себя ждать: в середине ноября того же года А. Розенберг, претендовавший на роль идеолога НСДАП, перепечатал в «Фёлькишер Беобахтер» одну из опубликованных месяцем раньше статей Геббельса⁵⁷, снабдив ее довольно жестким комментарием. Поправляя товарища по партии, Розенберг упрекал его в том, что он «не смог разглядеть ядро большевизма как системы еврейского господства, странным образом идеализирует Ленина и называет *сегодняшнюю* Россию зародышем „нового национального строя государств Европы“, в то время как она является как раз препятствием к этому»⁵⁸. В вину начинающему публицисту ставилось и то, что он «ошибочно принимает всерьез и преувеличивает противоречия между нью-йоркскими, лондонскими и московскими евреями» и «употребляет такой словесный балласт, как „национал-большевизм“, что для национал-социалистов, придерживающихся правых взглядов, равносильно своего рода кровосмешению»⁵⁹.

⁵⁷ Речь идет о статье «Национал-социализм и большевизм», напечатанной 15 октября 1925 г. в геббельсовских «Национал-социалистических письмах».

⁵⁸ См. *Das Tagebuch 1960*: 42 (в сноске).

⁵⁹ См. *Ibidem*.

⁶⁰ «Розенберг поместил в „Беобахтер“ мою статью „Национал-социализм и большевизм“. И написал к ней длинный комментарий. Часть про, часть contra. Я ответил» (*Goebbels 2004*: 378, запись за 14.11.1925).

⁶¹ См. об этом *Das Tagebuch 1960*: 43 (в сноске), 45 (в сноске).

Судя по лаконичной и спокойной записи, которую Геббельс оставил в тот день в своем дневнике, он воспринял этот окрик сверху с несвойственным ему хладнокровием⁶⁰. Кажется, преподанный урок не отразился не только на его настроении, но и на пропагандистском репертуаре. Во всяком случае, вскоре после случившегося он продолжил выступления со своим основным докладом, уже само название которого — «Ленин или Гитлер?» — могло быть воспринято в партийных верхах как фрондерство⁶¹. Конечно, обозначенная в данном заголовке дилемма была лишь демагогической уловкой, рассчитанной на многочисленную, в значительной части рабочую аудиторию, которая еще не определилась с политическим выбором, а то и симпатизировала большевикам вплоть до готовности перенести их опыт на Германию. Но хотя все содержание доклада нацеливало слушателя на единственно «правильный» с нацистской точки зрения выбор, в нем вновь повторялся излюбленный пассаж автора об ожидающем Россию чуде национального пробуждения. Очищенный от мистических упований на «дух Великана Достоевского», он был приправлен более злободневным тезисом о том, что «это пробуждение создаст национал-социалистическое

⁶² Геббельс 2002 (1926).

⁶³ *Статья, в которой эти тезисы, на этот раз имела уже другое название: «Национальное и интернациональное?» (см. Goebbels 1926: 40—43). Как и другие статьи сборника, стилизованные под письма современникам автора — от известных политиков до вымышленных персонажей, — она была написана в форме послания, адресованного некоему безмянному «левому другу».*

⁶⁴ См. Höver 1992: 194.

⁶⁵ *Это предупреждение прозвучит в статье «Русская проблема», написанной в форме послания некоему русскому другу автора с той же странной фамилией Винуровский, что и у героя повести «Михаэль» (см. Goebbels 1926: 44—47).*

⁶⁶ *В дневнике Геббельса есть указание на то, что, посвятив переработке доклада около недели, он планировал заниматься им еще не менее двух недель. Учитывая обычно быстрые темпы его работы, это позволяет предположить действительно серьезный характер внесенных изменений (см. Goebbels 2005a: 37, 39, записи за 24 и 30.12.1925).*

государство, о котором, сознательно или подсознательно, так пылко мечтает молодое поколение Германии»⁶². Что же касается крамольной статьи, то ее спорные моменты Геббельс счел нужным воспроизвести в первом сборнике своих политических текстов «Вторая революция: Письма к современникам», который вышел в свет в самом начале следующего года⁶³.

И все-таки полностью игнорировать выпад Розенберга Геббельс не стал. С одной стороны, реагируя на него, будущий гитлеровский царедворец продемонстрировал задатки мастера аппаратной интриги и подковерной борьбы, которые помогут ему в будущем удерживаться на самом вершине нацистского Олимпа. В январе 1926 г. в одной из статей своего еженедельника Геббельс вдруг обратился к теме антисоветской эмиграции. Настойчиво предостерегая от того, чтобы доверяться суждениям ее представителей о России, автор убеждал, что такая доверчивость чревата опасными заблуждениями. Более того, отказывая эмигрантам в праве говорить от имени родины, которую они покинули, он называл их установки «идиотскими» и «твердолобо-реакционными» и объяснял их антисоветские мотивы корыстным стремлением вернуть себе отобранную большевиками собственность⁶⁴. Посвященному читателю было легко догадаться, что на самом деле речь шла не столько обо всей эмиграции, сколько о бывшем российском подданном Розенберге, который мнил себя экспертом в «русском вопросе» и сыграл едва ли не решающую роль в прививке русофобских воззрений самому Гитлеру.

С другой стороны, прозвучавшая критика оказала на Геббельса в известном смысле отрезвляющее, хотя и ограниченное воздействие. Если до этого «левый» нацист едва ли давал основания упрекать его в политической беспринципности, то в данной ситуации он, возможно, впервые проявил ту склонность к оппортунизму, которая скоро станет его второй натурой. Пока еще не меняя в принципе своих представлений о России, Геббельс все же постарался учесть мнение менее расположенных к ней однопартийцев и смягчить свои призывы к германосоветскому альянсу указаниями на его временный и конъюнктурный характер. Так, повторив — в который раз! — в феврале 1926 г. свои мысли о «чуде» русского пробуждения и о том, что самоутверждение немцев возможно «лишь в союзе с подлинно национальной и социалистической Россией», он тут же предупредил о столкновении двух возрождающихся наций в более отдаленном будущем. С его скорректированной точки зрения, это столкновение было неизбежным, поскольку Германия «захочет стать целым миром», равно как им пожелает стать «проснувшаяся» Россия⁶⁵. Не исключено также, что радикальная переработка доклада о Ленине и Гитлере, которую Геббельс предпринял в декабре 1925 г., была вызвана стремлением учесть высказанные замечания и убрать из него слишком уж «просоветски» звучавшие тезисы. Во всяком случае, в обновленной версии доклада таких положений заметно меньше, чем в более ранних текстах его автора на «русскую» тему⁶⁶. Впрочем,

потуги Геббельса продолжить свою апологию германо-советского сближения в манере, несколько более приличествующей национал-социалисту, продолжались недолго. В начале 1926 г. в его отношении к Советской России произошел гораздо более капитальный сдвиг, после которого смысл и тональность его высказываний о ней пришли в полное соответствие с официальными установками НСДАП. Более того, с тех пор эти высказывания не просто дышали ненавистью к Стране Советов, но и заражали ею нацистские массы и все большее число простых немцев.

Конечно, изменение подхода Геббельса к Советской России и перспективам германо-советских отношений явилось неизбежным следствием изначальной несовместимости его позиции с антисоветской линией НСДАП. Поэтому случившаяся метаморфоза удивляет куда меньше, чем сам факт успешной карьеры этого русофила и «левака» в качестве нацистского пропагандиста. И все же стремительный и радикальный характер перелома в его взглядах на вопрос, занимавший весьма важное, если не центральное место в системе его мировоззренческих координат, не может не поражать. Еще в конце января 1926 г. Геббельс был готов защищать свою позицию на конференции партийных руководителей Северной Германии в Ганновере уже не перед одним Розенбергом, а перед широкой аудиторией партийных функционеров, не все из которых разделяли его «просоветские» взгляды⁶⁷. К их числу принадлежал прежде всего Г.Федер — один из «отцов-основателей» и идеологов движения, специально присланный мюнхенским руководством НСДАП для усиления «правого» крыла собрания и слышавший «догматиком» даже среди соратников. Описание этого мероприятия в дневнике Геббельса сводится преимущественно к его участию в разгоревшейся дискуссии и оставляет впечатление, что главным вопросом для него был все тот же «русский вопрос»: «А затем Россия. Безудержные нападки на меня. Пока я выкуриваю сигарету снаружи. А затем вступаю я. Россия, Германия, западный капитал, большевизм, я говорю полчаса, час. Все замерло в напряжении, затаив дыхание. А затем шквал одобрения. Мы победили... Конец: Штрассер жмет мне руку. Федер жалок и невзрачен. Очко, очко в мою пользу»⁶⁸.

Однако случилось так, что описанный Геббельсом триумф оказался его последней попыткой отстаивать свое видение «русского вопроса», после которой он уже никогда и ни в чем не противоречил генеральной линии партии. Дальнейшие записи его дневника показывают, что разногласия в этом вопросе были последней преградой на пути его окончательного сближения с Гитлером, а доброе отношение к России стало той разменной монетой, которую он заплатил за право вхождения в «ближний круг» фюрера и элиту нацистского руководства. Обратной стороной этого конъюнктурного выбора стал быстрый отход Геббельса от «левого» крыла НСДАП и отказ от «национал-большевистских» идеалов, что служит косвенным свидетельством неразрывной связи между его прежним русофильством и бывшим «социалистическим

⁶⁷ Уже накануне первого выступления Геббельса с докладом «Ленин или Гитлер?» у него произошел ожесточенный спор на эту тему с его непосредственным шефом — гауляйтером К.Кауфманном (Goebbels 2004: 355, запись за 16.09.1925). Судя по тому, что Геббельс намеревался закончить новую версию доклада к середине января 1926 г., можно предположить, что он готовил ее именно для выступления в Ганновере.

⁶⁸ Goebbels 2005a: 49 (запись за 25.01.1926).

радикализмом». Во всяком случае, в партийных дискуссиях начала 1926 г., обозначивших вехи ренегатства Геббельса, обсуждение вопроса об отношении к Советской России тесно переплеталось со спорами вокруг «социалистических» пунктов программы и идеологии НСДАП. И если на конференции в Ганновере Геббельс с одинаковым пылом отстаивал необходимость сотрудничества немецких националистов с Советской Россией и укрепления «социалистических» основ их движения, то спустя всего 20 дней, на партийном форуме в Бамберге, он уже молча внимал тому, что вещал по обоим поводам Гитлер.

Полная драматизма запись, которую Геббельс оставил в своем дневнике о съезде в Бамберге 14 февраля 1926 г., вновь создает впечатление, что здесь, как и в Ганновере, «русский вопрос» являлся едва ли не первостепенным если не для всех участников собрания (что, конечно, не так), то для него лично: «Гитлер говорит два часа. Чувствую себя как побитый. Кто же он, Гитлер? Реакционер? Сказочно неуклюж и неуверен. Русский вопрос: абсолютно не попад. Италия и Англия — союзники, данные самой природой. Отвратительно! Наша задача — разгром большевизма. Большевизм — еврейская обманка! Мы должны nasledовать России! 180 миллионов!!! Право должно оставаться правом... Не нарушать права собственности! (sic!) Отвратительно! Федер кивает. Лей кивает. Штрейхер кивает. Эссер кивает. У меня тяжело на душе, когда я вижу себя в этой компании!!! Глупость, ты торжествуешь! Я не могу сказать ни слова! Меня будто ударили по голове. На авто к вокзалу... У меня так тяжело на сердце! Прощание со Штрассером... Я хочу плакать! Грустное возвращение домой... Ужасная ночь! Пожалуй, одно из самых больших разочарований моей жизни. Я больше не верю без остатка в Гитлера. Именно это и ужасно — у меня отнята внутренняя опора. От меня осталась лишь одна половина...» В конце этой записи Геббельс, резюмируя собственную позицию и позиции своих «левых» соратников, также удрученных замыслами Гитлера в отношении России и его нежеланием решать «социальный» вопрос, подчеркнул, что они, несмотря ни на что, остаются социалистами⁶⁹.

⁶⁹ См. *Ibid.*: 55 (запись за 15.02.1926).

Бытующее в литературе и основанное на весьма пристрастных воспоминаниях О.Штрассера представление о том, что Геббельс в тот день предал своих единомышленников из «национал-большевистского» крыла партии и, открыто поддержав Гитлера, переметнулся на его сторону, вряд ли справедливо⁷⁰. Упрекать его братья Штрассеры и их друзья могли разве что за молчание, поскольку ожидалось, что главным оппонентом Гитлера будет как раз он. Возможно, и сам Геббельс понимал двусмысленность своего поведения на конференции и именно поэтому, пытаясь оправдаться перед самим собой, так старательно описал то чувство ошеломления, которое якобы не позволило ему вымолвить ни слова. Но из дневника Геббельса, как подметил один из его биографов, можно вычитать и другое: к тому времени его вера в историческую миссию Гитлера была уже сильнее, чем вера в социализм⁷¹. То же самое можно сказать и о вере бывшего русофила в грядущее «пробуждение»

⁷⁰ См. *Штрассер* 2005: 145.

⁷¹ См. *Reuth* 1990: 99.

России и общность судеб немецкого и русского народов. В свою очередь, Гитлер, успевший оценить пропагандистские дарования и организационную хватку будущего министра, постарался привлечь его на свою сторону. С этой целью в апреле 1926 г. он пригласил его к себе на несколько дней в Мюнхен, устроил пышный прием, не пожалел времени для личного общения и организовал его выступление в партийной цитадели — пивной «Бюргерхофброй». На этот раз в докладе недавнего бунтаря не прозвучало ничего, что могло бы противоречить взглядам фюрера: «В зал. Бурное приветствие. Человек к человеку. Голова к голове. Штрейхер открывает. И потом два с половиной часа говорю я. Я выдаю все. Люди бушуют, люди шумят. Под конец Гитлер обнимает меня. Слезы выступают у него на глазах. Я близок к состоянию счастья. Сквозь застывшую массу людей к авто. Крики „хайль“... Гитлер в одиночестве ожидает меня в гостинице. Потом мы вместе поздно ужинаем. Я его гость...»⁷²

⁷² *Goebbels 2005a: 72 (запись за 13.04.1926).*

Делясь с дневником восторженными впечатлениями от поездки, Геббельс столь же эмоционально описал и окончательный перелом, который успел произойти в его сознании буквально на третий день интенсивных контактов с Гитлером: «Пришел Гитлер. Принципиальные вопросы: восточная политика, социальный вопрос... Он говорит пять часов. Блестяще. Может кого угодно свести с ума. Италия и Англия наши союзники. Россия хочет нас сожрать... Мы подходим друг другу... Я люблю его. Социальный вопрос. Абсолютно новый взгляд... Об этом уже можно говорить. Он все это продумал. Теперь я во всем относительно него спокоен. Он человек, который видит все только в совокупности. Человек с такой светлой головой может быть моим вождем. Я склоняюсь перед тем, кто более велик, перед политическим гением»⁷³. Этот восторг и чувство абсолютной гармонии не могла омрачить и смутная тень не до конца изжитого сомнения: «...Мы беседовали два часа о западной и восточной политике. Его доказательства убедительны. Но я думаю, он еще не до конца осознал проблемы, связанные с Россией. Но и я должен многое обдумать еще раз»⁷⁴. То, к каким выводам пришел Геббельс после того, как обдумал аргументы вождя, хорошо известно из всей его последующей деятельности.

⁷³ *Ibidem.*

⁷⁴ *Ibid.: 75 (запись за 16.04.1926). Впрочем, из записей Геббельса о его пребывании в Мюнхене и общении с Гитлером видно, что результат его «обдумывания» русских проблем был уже предрешен. В итоге взаимопонимания, фактически установившегося между ними в те дни, Гитлер приобрел не только единомышленника, но и самого верного соратника. Вскоре он назначил Геббельса гауляйтером Берлина, куда тот перебрался 7 ноября 1926 г.*

Заняв в «восточном вопросе» на всю оставшуюся жизнь ту же позицию, что и Гитлер, его будущий министр даже в своих частных записях вскоре перестанет расточать похвалы как русской литературе, так и воплощенной в ней «великой душе». Судя по этим записям, единственным крупным произведением русского автора, с которым он с тех пор познакомился, была знаменитая в свое время трилогия И.Наживина «Распутин». Это произведение, к которому Геббельс обратился сразу после своей мюнхенской поездки, не только не оставило его равнодушным, но и, не исключено, в определенной степени повлияло на трансформацию его подхода к «русской проблеме». Сразу назвав и этот русский роман блестящим, он поначалу не обнаружил в нем ничего необычного. Читая первую часть трилогии, живописующую Россию кануна

Первой мировой войны, Геббельс меланхолично обронил: «Русские... остаются все такими же. Интеллектуалы — большая, надломленная переломная сила. Народ-загадка»⁷⁵. Однако, продвигаясь дальше, он находит роман все более захватывающим⁷⁶. Дойдя до второй части, описывающей события войны и начала революции, он заметил, что «так можно постепенно понять все, что тогда надвигалось»⁷⁷, а при чтении третьей части, повествующей о самой революции и гражданской войне, признался, что «потрясен до глубины души». И хотя недавний «национал-большевик» считал нужным заметить, что это «грандиозное полотно русского большевизма» написано, «пожалуй, с несколько белогвардейских позиций», оно поразило его своей «сатанинской» жестокостью. Найдя, что «так может свирепствовать дьявол, когда он овладевает миром», молодой нацист на этот раз увидел в Советской России уже не союзницу и пример для подражания, но «мерзкую смесь лжи, грязи, крови и животного изуверства». На этой основе он сформулировал и новый практический вывод для себя и своих соратников: «Если мы сможем предохранить Германию от этого, то тогда мы воистину *patres patriae!*»⁷⁸.

Вряд ли было бы справедливо считать, что роман русского писателя-эмигранта, попавший Геббельсу в руки именно в тот момент, когда он определялся в своем отношении к России, сыграл решающую роль в его окончательном выборе. Фактически этот выбор им был уже сделан, и, скорее всего, он задним числом искал аргументы в подтверждение правоты своего фюрера. Печальная ирония заключается в том, что таким аргументом для него могла стать книга, пронизанная огромной любовью к России и столь же бесконечной болью за ее судьбу. Во всяком случае, в его отзывах о ней наметились два лейтмотива, в которые будут укладываться его последующие высказывания на русскую тему. Первый из них Геббельс озвучил, резюмируя свои впечатления от только что дочитанного романа: «Россия, вечная загадка. Разгадаем ли мы ее до конца здесь в Европе и подстроимся ли под нее? Кто знает! Я думаю, вряд ли»⁷⁹. Это в принципе нейтральное суждение отныне звучало в скупых дневниковых заметках Геббельса о России, когда он уже не мог себе позволить ее хвалить, но, возможно, не хотел и хаять. Второй дежурный мотив — ужасы советского большевизма, — предназначенный также и для внешнего пользования, был взят им на вооружение в специфически нацистской трактовке именно после прочтения книги Наживина. Уже одержимый к тому времени параноидальным антисемитизмом, он извлек из нее привычный для себя, но не имеющий ничего общего с позицией автора вывод, что «еврей — это, конечно, Антихрист мировой истории»⁸⁰. С тех пор тезис о «еврейско-большевистском господстве» станет основным в его публичных высказываниях о СССР и сохранит одно из центральных мест в возглавленной им вскоре нацистской пропаганде. После прихода НСДАП к власти Геббельс, еще недавно видевший в России духовный оплот против «загнивающей» европейской цивилизации, объявит уже не только свою партию, но и всю

⁷⁵ См. *Ibid.*: 78 (записи за 24.04 и 1.05.1926).

⁷⁶ См. *Ibid.*: 86 (запись за 15.05.1926).

⁷⁷ См. *Ibid.*: 94 (запись за 10.06.1926).

⁷⁸ См. *Ibid.*: 99 (запись за 26.06.1926).

⁷⁹ *Ibid.*: 101 (запись за 30.06.1926).

⁸⁰ *Ibid.*: 99 (запись за 26.06.1926).

Германию защитницей Европы от идущей с Востока угрозы «большевистской чумы».

И все же, превратившись в ярого врага большевизма и политического режима СССР, Геббельс не спешил распространять свои расистские взгляды на русский народ и культуру России. До лета 1941 г. его отношение к стране его былых литературных грез определялось, наряду с антисоветизмом, представлением о ней как о естественной сопернице Германии. В частности, уже став высокопоставленным нацистом и готовя своего «Михаэля» к печати в одном из издательств НСДАП, Геббельс сохранил в тексте книги прежние русофильские пассажи, хотя и включил в нее антисемитские выпады, которые отсутствовали в первоначальном варианте⁸¹. Правда, при этом он переписал заново слова Михаэля, торжествующего свое «избавление» от «русского соблазна», и придал им откровенно агрессивный смысл: «Я поверг наземь Ивана Винуровского... И вот мы стоим оба как непримиримые враги напротив друг друга. Вооруженные до зубов, потому что на карту поставлено все! Панславизм! Пангерманизм! Кто отвоюет для себя будущее?.. Я верю в нас, верю в Германию! В муках боли воздвигнется Рейх... Мы здесь! Мы, молодые мужчины, живы, и мы скрестим оружие в борьбе за будущее со всеми врагами нашего рода! Если мы вновь обретем себя, то мир содрогнется перед нами. Земной шар принадлежит тому, кто заберет его себе»⁸². Так закончился давний спор двух героев, который на самом деле был не чем иным, как «литературной обработкой» собственного внутреннего диалога молодого Геббельса и его отношения любви-ненависти к России⁸³. Можно заметить, что в тот момент грядущее столкновение двух держав рисовалось его воображению в виде поединка, в котором скрестят клинки равные и достойные друг друга соперники — «немец и русский, германец и славянин»⁸⁴. Эта картина еще мало походила на реальные сцены будущей антисоветской агрессии, но была важным звеном в цепи менявшихся представлений бывшего русофила, все дальше уводивших его от мечты о совместном мировом водительстве двух возродившихся стран.

С началом «Восточного похода» арсенал геббельсовской пропаганды пополнился тезисами о правомерности «превентивного» удара по СССР, разграбления его богатств и расширения за его счет немецкого «жизненного пространства». После первых потерь, понесенных вермахтом на Восточном фронте, к этим тезисам добавилась образ примитивного и страшного в своей животной силе русского «азиата», а с началом перелома в войне — спекуляции о том, что Германия ведет ее, защищая европейскую цивилизацию — причем не только союзников, но и западных врагов — от варварского нашествия с Востока. В своей совокупности эти пропагандистские клише служили не только обоснованию гитлеровской агрессии против СССР, но и ее превращению в невиданный по жестокости истребительный поход. Впрочем, для самого нацистского министра Россия, как и прежде, оставалась загадкой. В один из немногих спокойных вечеров, выпавших уже после того, как перспектива

⁸¹ *О позднейших вставках в текст «Михаэля» см. Höver 1992: 43; Höhn 2007: 375—376.*

⁸² *Goebbels 1929: 147.*

⁸³ *См. Höver 1992: 191.*

⁸⁴ *Goebbels 1929: 120.*

⁸⁵ «Это очень хорошо время от времени перерывать старую русскую литературу. Это

разгрома Германии стала неотвратимой, он сделал в своем дневнике последнюю запись о русской литературе. На этот раз речь шла о поэме Гоголя, к которой он вновь обратился в еще одной, теперь уже отчаянной попытке проникнуть в тайну некогда любимой им русской души⁸⁵.

Библиография

неиссякаемая жила для познания русского народного характера» (Goebbels 1995: 128, запись за 20.01.1944).

Алленов С.Г. 2012. Образ России и формирование политического мировоззрения молодого Йозефа Геббельса («Свет с Востока» (1918—1923 гг.)) // *Полития*. № 1.

Алленов С.Г. 2013. Образ России и формирование политического мировоззрения молодого Йозефа Геббельса («Россия, ты надежда умирающего мира!» (1923—1924 гг.)) // *Полития*. № 2.

Бердяев Н. 2006. *Миросозерцание Достоевского* (<http://e-libra.ru/read/318084-mirosozertcanie-dostoevskogo.html>).

Геббельс Й. 2002 (1926). Ленин или Гитлер? // *Царский опричник*. № 27 (<http://nationalism.org/bratstvo/oprichnik/27/hoebbels.htm>).

Штрассер О. 2005. *Гитлер и я*. — М.

Baersch С.-Е. 1995. *Der Jünge Goebbels. Erlösung und Vernichtung*. — München.

Das Tagebuch von Joseph Goebbels 1925/26. Mit weiteren Dokumenten herausgegeben von Helmut Heiber. 1960. — Stuttgart.

Gathmann P., Paul M. 2009. *Narziss Goebbels: eine psychohistorische Biografie*. — Wien.

Dr. Göbbels antwortet. Der Reichspropagandaminister zu den Sittlichkeitsprozessen. 1937. — Wien.

Goebbels J. 1926. *Die zweite Revolution. Briefe an Zeitgenossen*. — Zwickau.

Goebbels J. 1929. *Michael. Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern*. — München.

Goebbels J. 1931. *Der Nazi-Sozi. Fragen und Antworten für den Nationalsozialisten*. — München.

Goebbels J. 1934a. *Kampf um Berlin*. — Berlin.

Goebbels J. 1934b. *Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Eine historische Darstellung in Tagebuchblättern (vom 1. Januar 1932 bis zum 1. Mai 1933)*. — München.

Goebbels J. 1987. *Tagebuch für Joseph Goebbels (Erinnerungsblätter) von 1897 (Geburtsjahr) bis Oktober 1923 (geschrieben Juli 1924) // Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente / Hrsg. von E. Fröhlich. Teil 1. Aufzeichnungen 1924—1941. Band 1. 27.06.1924 — 31.12.1930*. — München.

Goebbels J. 1995. *Die Tagebücher von Joseph Goebbels / Hrsg. von E. Fröhlich. Teil 2. Diktate 1941—1945. Band XV. Januar — April 1945*. — München u.a.

Goebbels J. 2004. *Die Tagebücher von Joseph Goebbels / Hrsg. von E. Fröhlich. Teil 1. Aufzeichnungen 1923—1941. Band I/I. Oktober 1923 — November 1925*. — München u.a.

- Goebbels J.** 2005a. *Die Tagebücher von Joseph Goebbels* / Hrsg. von E.Fröhlich. Teil 1. Aufzeichnungen 1923—1941. Band I/II. Dezember 1925 — Mai 1928. — München u.a.
- Goebbels J.** 2005b. *Die Tagebücher von Joseph Goebbels* / Hrsg. von E.Fröhlich. Teil 1. Aufzeichnungen 1923—1941. Band II/I. Dezember 1929 — Mai 1931. — München u.a.
- Griffin R., Loh W., Umland A.** (eds.) 2006. *Fascism Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right*. — Stuttgart.
- Heiber H.** 1962. *Joseph Goebbels*. — Berlin.
- Höhn G.** 2007. Krisologie und Verheißungen eines jungen Dr. Phil. Versuch über Joseph Goebbels Tagebuchroman Michael Vormann // *Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik. Zur politischen Kultur einer Gemengelage*. — Frankfurt a.M.
- Höver U.** 1992. *Joseph Goebbels: Ein nationaler Sozialist*. — Bonn.
- Koenen G.** 2005. *Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900—1945*. — München.
- Moeller van den Bruck A.** 1919. *Das Recht der Jungen Völker*. — München.
- Moeller van den Bruck A.** 1933. Politik wider Willen // Moeller van den Bruck A. *Rechenschaft über Rußland*. — Berlin.
- Reuth R.G.** 1990. *Goebbels*. — München.
- Riess K.** 1950. *Joseph Goebbels: Eine Biographie*. — Baden-Baden.